

Цзи Кай молча и не мигая наблюдал, как неопытная медсестра-стажерка пыталась попасть иглой в вену — раз, два, три — и всё мимо. Цзи Кай был искренне озадачен: если уж его вены пролегали недостаточно четко, то чьи вообще можно назвать четкими? Когда девушка, дрожа от волнения, приготовилась сделать четвертую попытку, перед глазами Цзи Кая неожиданно возникла чужая рука и полностью закрыла ему обзор.

Свежий, сладковатый апельсиновый аромат. Внезапно всё, что было глубоко погребено в памяти, снова отчетливо встало перед глазами.

...

Цзи Кай с самого детства почти не болел.

Насколько он помнил, по собственной вине в больницу он попадал считанные разы.

Единственный запомнившийся случай произошел, когда ему было лет семь или восемь: он по неосторожности съел плесневелую вяленую говядину, которую собирались выбросить, и посреди ночи его привезли в скорую под капельницу.

В тот день с ним от начала и до конца была сестра. Когда медсестра, смазав йодом тыльную сторону его ладони, приготовилась вводить иглу, сестра своей мягкой рукой, от которой исходил едва уловимый, недорогой, но приятно-сладкий апельсиновый аромат, ласково прикрыла ему глаза.

— Сяо Кай, будь умницей, это совсем не больно.

И правда было не больно, к тому же Цзи Кай и так ни капли не боялся.

Когда капельницу поставили, сестра сходила за стаканом горячей воды, а потом достала из сумочки пачку апельсинового мармелада и дала ему конфетку — сладенькую.

...Прошло уже много лет.

Тот неприметный городок разросся и перестроился, давно утратив свой прежний старинный и душевный облик. Засыпали набережную с зелеными ивами, снесли маленький парк из красного кирпича — от его детства не осталось и следа.

Но Цзи Кай никогда не забудет тот скромный, но уютный дом из своих воспоминаний. В наполненном простым бытом доме, где в любви и согласии жила семья из четырех человек, всегда звучал смех и царило счастье.

В носу защипало, и он с легким смешком тихо произнес:

— Директор Ли, у вас такие холодные руки.

— ...Терпи.

Четвертая попытка наконец увенчалась успехом — и в самом деле оказалось не больно. Когда ледяной раствор потек по венам, Цзи Кай вдруг вспомнил, как в детстве спросил у сестры: «Почему, когда делают укол, нужно закрывать глаза?»

«Ха-ха, так сяо Кай совсем не боится? Какой храбрец! Тсс, открою секрет: на самом деле я ужасно боюсь уколов и боли, поэтому просто не смею смотреть!»

И потому Цзи Кай покосился на Ли Вэйду.

— Директор Ли... вы что, боитесь уколов?

А Ли Вэйду действительно боялся. И ему даже в голову не приходило, что кто-то может их не бояться.

Особенно в детстве, когда он непрестанно болел и целыми днями лежал в больнице под капельницами. Сидя в одиночестве на койке, он отчаянно мечтал, чтобы нашелся хоть кто-то, кто остался бы с ним, нежно обнял со спины, закрыл глаза, сунул в руку конфету и шепотом приласкал, уговаривая не бояться.

Вот только такой человек так и не появился.

Поэтому позже он перестал об этом просить. Лишь решил: если появится возможность, он сам будет бережно защищать любимого человека, чтобы тот никогда не испытал такого же одиночества, как он сам.

...

— ...Не трясись!

Цзи Кай подумал: «Да я и сам не хочу! У меня что, Паркинсон? Я вообще себя не контролирую!»

Его пальцы в этот момент находились в руках человека, за чьими кистями он наблюдал уже несколько дней. Легкое касание, переплетение рук.

Директор Ли терпеливо подстригал ему ногти.

Книпсер был серебристым, матовым, изящной обтекаемой формы — сразу видно, что он не имел ничего общего с дешевыми развалюхами за пару грошей.

И разница действительно ощущалась. Даже звук «клик» звучал иначе — того и гляди, после такой стрижки вознесешься на небеса.

«Это я странный? Да это вы, не-фетишисты рук, странные! Такие великолепные руки, такая красота! Цзи Кай, скажи честно, ты когда на них смотришь, у тебя правда лицо не горит и сердце не выпрыгивает? Не фантазируешь о том, как эта рука забирается тебе под рубашку, ласкает... да или о том, как ты ее облизываешь?»

Вспомнив, как сразу после развода жил пару дней у Цзо Яня и слушал подобные речи почти ежедневно, Цзи Кай снова ощутил легкий нервный срыв.

— Короче, Цзо Янь, тебе просто приглянулся Ли Вэйду, так? Приглянулся и приглянулся, зачем на руки списывать?

Тот даже про «облизать» высказался — откровенная похоть, к чему отнекиваться?

— Это совсем другое! Эх, вы, неспособные оценить красоту рук, столько радостей в жизни упускаете!

— Ха.

В тот момент Цзо Янь, наверное, смотрел на него как на идиота, а он на Цзо Яня — ровно так же.

...

И вот возвращение в реальность. Длинные, изящные пальцы Ли Вэйду с четкими суставами находились прямо перед глазами.

Идеальные изгибы, выступающие косточки, ямочки и маленькая, манящая родинка на безымянном пальце... Вся палата погрузилась в тишину, пропитанную интимным, двусмысленным напряжением.

«Цзи Кай, настанет день, и ты поймешь! Тогда, хе-хе, у тебя возникнут мыслишки куда грешнее, чем просто погладить или полизать!»

Цзи Кай тогда от души восхитился: «Есть штучки покруче, чем целовать, гладить и лизать?»

«Ну... например, когда такими пальцами тебя... принуждают к глубокому глотку или типа того».

Цзи Кай внезапно сильно вздрогнул.

На этот раз виноват был вовсе не ПТСР. Не нужно было предаваться глупым фантазиям! Однако... если соединить прежний взбалмошный образ Ли Вэйду со сценой, нарисованной Цзо Янем, получается... вообще-то довольно...

...заводяще?

Жаль только.

«Вэйду, наверное, процентов на восемьдесят фригиден».

«Правда, я от многих в тусовке такое слышал».

Ци Ян был классическим примером того, про кого говорят: «с такими друзьями и врагов не надо».

«Посуди сам: рост есть, лицо есть, зарабатывать умеет, да еще и хозяйственный — к чему придраться? Если только... он не безнадежен в постели, за что бы его бросали? Эх, а если и впрямь так, что делать? Кстати, Цзи Кай, у тебя же есть друзья-врачи, нет ли какого народного рецепта...»

Народные рецепты, возможно, вовсе не нужны.

В конце концов, обладая такими руками, навевающими подобные мысли, даже если он фригиден, в момент, когда пальцы уходят глубоко... кто-нибудь наверняка моментально кончит.

...Нельзя, нельзя, это грех!

Так недолго и в бездну фетишизма за Цзо Янем ухнуть! Он поспешно прокашлялся:

— Директор Ли, огромное спасибо за заботу в эти дни. И... насчет сяо Яня тоже огромное спасибо.

...

Несколько дней назад Ли Минсинь запыхался, сбегая по лестнице:

— Плохо дело, Цзи Кай, случилась беда!

Вторая половинка, Лэй Наньюй, только что в панике позвонил ему: утренний расклад был таков, что Чжу Янь писал дома уроки, а сам Лэй Наньюй рисовал, когда зазвонил дверной звонок.

Открывает — а на пороге миловидная девушка со светлыми волосами и белоснежной кожей.

Лэй Наньюй уже видел Е Инь. Он все-таки художник, да и Чжу Лин раньше показывал ему ее фотографию — как бы он не узнал натуру, которую сам рисовал?

Однако то, что Лэй Наньюй во всех отношениях тормозил невероятно, тоже было общеизвестным фактом.

Поэтому, когда до него наконец дошло, что перед ним та самая разлучница, из-за которой развелся Цзи Кай, юная красавица уже проскользнула мимо него прямо в комнату. Подойдя к Чжу Яню, она в красках выложила ребенку всю правду про развод Чжу Лина.

После чего сопливый сорванец с ревом выбежал из дома.

Цзи Кай спросил:

— Лэй Наньюй, небось, перепугался до смерти? Бежал за ним во весь дух? Кричал ему остановиться и умолял нормально поговорить?

— Да! И в итоге упустил! Что теперь делать? На звонки он не отвечает, нигде не найти! Вдруг с ним что-то случится?

— Вы совсем не знаете сяо Яня, честно. В такой ситуации Лэй Наньюй должен был сказать: «Хочешь уходить — скатертью дорога, только дверь за собой закрой, и ужина тебе не останется».

— ...

— А если добавить, что в следующем месяце карманные деньги урежут вдвое, он бы никуда не ушел. Seriously. Я слишком хорошо знаю этого пацана, он весь в своего дядю... — он весь в своего дядюшку: драматизирует на пустом месте. Цзи Кай проглотил кончик фразы, не договорив. — Короче, не переживайте, проголодается — сам прибежит.

В драме он пошел в Чжу Лина, а вот слабость перед едой — вылитый Цзи Кай. Такой молодой, а учится не тому, сплошь дурные привычки перенимает.

— Надеюсь... он благополучно вернется домой? — Ли Минсинь всё еще сильно переживал. — Но на этот раз дело ведь серьезное, не обычная мелкая капризность. А вдруг он так расстроился, что натворит глупостей?

Цзи Кай опешил и умолк.

Ли Вэйду почувствовал глубокую тревогу в его взгляде, но не знал, как утешить.

Он слегка подвинулся ближе, коснулся его плеча и вдруг подал идею:

— Цзи Кай, а твой мальчишка вообще играет в компьютерные игры?

— Играет, играет! Каждый день напропалую играется! — поспешно подхватил Ли Минсинь. Все подростки обычно играют.

<http://bllate.org/book/18382/1767709>